

Часть первая

УСТА ТЕМНЫЕ, КАК НОЧЬ

*Если ты неспособен приручить своих
демонов – выпусти их на свободу*

Посвящается Бренту

*Без тебя ничего этого бы не было.
Выьем за то, чтобы провести вместе
еще пятнадцать лет.*

Глава первая

Работать с мертвыми для меня честь, но ни один похоронный обряд не исправит того, что Райлан Хант — «двадцать пять с половиной килограммов, сто тридцать два сантиметра, выпотрошен», как гласили мои записи, — погиб за два дня до своего тринадцатого дня рождения. Я выпрямила сжатые в кулаки пальцы — напряженные мышцы затрещали как гнилое дерево — и стянула с его рук влажные перчатки. Их прошлой осенью связала его мама, подобрав синие нитки. Сейчас же Райлан весь был красным, коричневым и фиолетовым, а на его коже выступили трупные пятна. Я повернулась и бросила перчатки в кучу компоста, которая вскоре станет его могилой. В наполненном по колено бассейне заплескалась вода.

Каждая частица этого мальчика была воплощением любви — и каждая была предана земле, за исключением тех, что стали частью меня. Я — кладбище, и я стала им для того, чтобы им не пришлось быть кому-то другому.

Единственная могильщица Лощины — не этого титула я хотела, но семь лет назад, когда я пришла в этот город, другой работы здесь не было.

— А это значит, что я здесь ради тебя, — сказала я, положив дрожащую ладонь на его руку.

Кожа Райлана была изодрана в клочья, ребра раскрыты, как цветок ликориса. Я собрала столько крови, сколько смогла, но ее все равно едва хватило, чтобы провести погребальные обряды. От него почти ничего не осталось.

Того, кто это сделал, схватили, но мою грудь все равно сжимало от тоски. Есть ли смысл в мести? Райлана уже не вернуть.

Да, нас пугали старые легенды о когда-то господствовавших над нами полубогах — Благих и Грешных, — но их давно уже нет. Бояться стоит нас, смертных: мы намного страшнее. Пусть раньше нами правили, с нами воевали, нас пожирали — но напыщенные пэры с их богатством и армией были куда хуже старых преданий.

Я накрыла рану Райлана куском парусины и начала пришивать ее к его телу. Иголочка легко проскользнула через его кожу, руки ритмично двигались над тканью. Это меня успокаивало. Когда я накладывала швы, я всегда вспоминала о волнах реки, у которой родилась. Там смерть была таким же привычным делом, как и здесь. Только богачи — чаще всего представители высшей знати, которых суверен одарила титулами и которые правили Цинлирой, — могли ее избежать.

— Ты выглядишь старше своего возраста, — сказала я, убрав волосы с его лица. — Знаю, тебе это нравилось.

Как нравилось большинству двенадцатилетних детей.

— Никогда не понимал, как ты не брезгуешь стоять в этой помойке, — прозвучал знакомый голос у меня за спиной. — Здесь же просто невозможно находиться.

Я вздохнула и подняла голову, подставляя лицо лучам полуденного солнца. Бассейн под открытым

небом, в котором я совершала погребальные обряды, находился совсем недалеко от церкви. Райлан покоился на каменной плите в самом его центре, а я при необходимости могла сбегать в церковь и вылечить тех, кто решил туда заглянуть. Все бандиты, которые пытались напасть на нас сегодня утром, были мертвы — все, за исключением одной грехоо-сенной налетчицы.

— Джул, не надо так выражаться, — сказала я, не оборачиваясь.

— А разве я выражался? — он фыркнул и что-то с тошнотворным звуком упало на пол. — Лора?

Я обернулась. Джулиан стоял над скрючившейся налетчицей и протягивал мне покрытую синяками руку. Он был самым типичным жителем Лощины — зеленоглазым и поджарым (потому что долгие годы он занимался рубкой деревьев) — и как все жители Лощины, он питал глубокое недоверие ко всем чужеземцам.

Я подняла руку.

— Я почти закончила.

Я положила на веки Райлана два халфана, чтобы его глаза оставались закрытыми. У всего есть своя цена — даже у смерти. В наши дни большинство людей не может себе этого позволить. Ну, за исключением Джулиана.

— Тебе необязательно следовать старым традициям, — сказал он. — Ты не здешняя. Тебя никто не осудит.

— Об этом просила его мать, — сказала я, выходя из бассейна. С моей одежды на землю полилась светло-розовая вода. — Как я смогу убедить жителей Лощины, что стану тебе хорошей женой, если не буду соблюдать ваши традиции?

Джулиан пожал плечами. Сам он не соблюдал традиций. Для его семьи я была все равно что род-

ной, но пока мы не поженимся, я буду здесь чужой. И, возможно, еще какое-то время после свадьбы.

— Ты собираешься исцелить эту тварь? — спросил Джулиан, легонько пнув грехоосененную. — Подлатай ее, чтобы она могла говорить. Нам нужно знать, остались ли поблизости еще налетчики.

Налетчица вздрогнула. От нее исходили волны магии, от которых волосы на моих руках вставали дыбом. Я опустилась перед ней на колени и коснулась ее окровавленной руки. Ее плечи затряслись.

— Конечно, — сказала я. — Иди присмотри за теми, кого я исцелила. Убедись, что пока я работаю, никто из них не пострадает.

Джулиан тут же отправился выполнять мою просьбу. С губ умирающей девушки сорвался смешок — и она закашлялась. Я достала футляр и вытащила из него нож.

— Ты грехоосененная, — сказала я. — Это редкость.

Она подняла голову и посмотрела на меня. У нее были голубые глаза, а кожа ее была сплошь покрыта синяками и ссадинами. Она кивнула в сторону тела Райлана и спросила:

— Погиб только он?

— Да, — я коснулась засохшей крови на ее руке. Она была почти невредима, только на груди у нее зияла рваная рана. — Тут есть твоя кровь?

— Возможно, — сказала она, пытаясь выкрутить руки в туго завязанных веревках. Я тысячу раз повторяла Джулиану, что грехоосененным связывать руки бесполезно. — Есть ли от целителя хоть какая-то польза в этой глуши?

— В последнее время почти никакой, — я прижала нож к ладони. Мой благодворец, силу кото-

рого я могла чувствовать, но которого не могла видеть, поднялся, как поднимается дым от костра. — Не двигайся.

— Меня нет смысла исцелять, — застонала она. — Мне нечего сказать.

— Мне все равно, — сказала я. — Ты ранена, и я буду тебя лечить.

«Прими эту жертву, — взмолилась я, отрезая от своей руки полоску плоти, — и вылечи ее рану».

По моей руке пробежала волна неприятной дрожи — и кровь с кожей исчезли. Благотворцы, как и Благие, от которых они произошли, могут только создавать. Но чтобы благотворец творил, нужно принести в жертву частицу себя. Я выронила нож. Мои руки задрожали. Она зашипела.

Новая плоть переплелась с ее раной и осела блестящим розовым шрамом.

— Благоосененная, — девушка уставилась на шрам. — Ты — благоосененная.

До того как боги покинули нас, когда Благие и Грешные еще ходили по этому миру, смертные не могли использовать магию. Они сражались против Благих и Грешных, но все было тщетно. И тогда у людей остался только один выход. Был только один способ вырваться из ужасающей хватки господства бессмертных тиранов — и они стали пожирать Благих и Грешных, чтобы забрать их магию.

Мы, благоосененные и грехоосененные, были наследием тех людей.

— А ты хороша, — она коснулась своей новой кожи и пристально посмотрела на меня. Исчез даже ее синяк под глазом. — Очень хороша.

Быть благоосененной все равно, что иметь бога, который течет по твоим венам. И бог этот откликался на мои молитвы, когда я приносила подходящую жертву.

— Спасибо, — я откинулась на спинку стула и внимательно посмотрела на нее. — Кем ты пожертвовала, чтобы убить Райлана?

— Ну да, — усмехнулась она. — Я же грехоосененная, я всегда приношу в жертву других. А что, если я устала убивать?

— Это ты его убила? — спросила я, указывая на Райлана.

— Это сделал блондин, — она почесала грудь и поморщилась. — И я даже не пыталась запоминать имена.

Блондинов среди налетчиков было двое — и утром после допроса отец Джулиана приказал убить обоих.

Мой благодетель задрожал, и я почувствовала, как от моей груди по рукам расходится гул, напоминающий жужжание пчелиного роя.

— У тебя есть еще одна рана, — сказала я. Благодетель может только исцелять. Я сцепила дрожащие руки. — Скажи, почему именно Лощина, и я тебя вылечу.

— Я знаю, что со мной не так, но ты это исправить не сможешь. Я истекаю кровью. И, думаю, это внутреннее кровотечение, — она усмехнулась, и в уголке ее рта появились красные пузырьки. Она потянула свою рубашку связанными руками. — Мы не выбирали Лощину. Это сделал он, — ее грехотворец, невидимое и почти неосязаемое существо, завис между нами, как бушующий шторм. Девушка посмотрела на меня и прищурилась. — Когда мне было семь, меня связали знаком Хаоса. Сделали меня солдатом. Даже сейчас я чувствую их ужасные приказы. Чувствую, как меня терзает то, что я должна сделать, — сказала она, распахивая свою рубашку.

Под новым шрамом на ее груди был вырезан неровный символ, окрашенный красными чернилами.

ми, напоминающий закрытый кровотокающий глаз. Все, у кого были творцы, даже двуосененный суверен Цинлиры и ее грехосененный сын, были вынуждены служить и подчиняться суду и народному совету. Это ограничивало их магию и держало ее под жестким контролем. Каждый знак показывал, какую магию может выполнять творец. Магия знака этой девушки разъедала ее кровотокающую кожу.

— Если я не сделаю то, что должна, он убьет меня. И я позволю ему меня убить. Единственное самопожертвование, которое способен принять мой грехотворец, — усмехнулась девушка. — Этого должно хватить, чтобы стереть наши следы и уничтожить все, что может привести его сюда.

— Кого? — спросила я.

Мама говорила мне, чтобы я ни в коем случае не позволяла связать себя знаком. Потому-то я и бежала в Лоцину. А от чего бежала эта девушка?

Я потянулась за ножом, но она ногой отбросила его прочь.

— Тот человек заслуживает того, что его ждет. Но ты — нет, — сказала она. — Тот грехоосененный мальчишка полюбит тебя. Мне так жаль.

Я покачала головой и убрала руки с ее груди.

— Кто? Скажи мне, и я тебя вылечу.

— Это мой выбор, — она коснулась крови на своей груди и провела пальцами по своему лицу. Я знаю, что она делает. Этот жест знают все осененные. Пять линий в форме полумесяца, похожие на руку, тянущуюся из вырытой могилы. Знак смерти, который отмечает нашу последнюю жертву, последний контакт с нашим творцем. — Впервые в жизни я что-то решаю сама. Не волнуйся. Мой грехотворец сделает так, чтобы все закончилось быстро.

— Тебе необязательно это делать, — сказала я, склоняясь над ней. От присутствия ее грехотвор-

ца у меня начался зуд, который ничто не смогло бы успокоить.

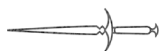
— Передай ему, что я не убийца. Что я приходи-
ла не за ним, — она провела пальцами по губам, про-
рисовывая на них красную линию. — И беги. Если
он уже здесь, беги, потому что он никогда тебя не
отпустит. Тебе с ним не справиться.

Но я бы справилась. Меня пронзила вспышка
боли, внутри поднялась потребность уничтожить.
Грехоосененная отпрянула от меня.

— О, благоосененная моя сестра, — прошептала
она. — Есть ли в тебе еще монстры, кроме твоего
благодетельца?

Я не ответила — и она замолчала навсегда.

Избавлением для грехоосененного может стать
только смерть.

Глава вторая

Я с трудом поднялась на ноги. На пороге церкви появился Джулиан; винтовка за его широкой спиной отбрасывала длинную тень. Когда он подошел ко мне, я уже сидела на краю бассейна, обхватив голову руками. Он присел рядом со мной на корточки и убрал руки от моего лица. Его теплые, шершавые от мозолей пальцы были неприятно влажными: он вспотел на позднем летнем солнце. Джулиан бросил взгляд на грехоосененную, и его рука дернулась к ножу.

Я покачала головой.

— Она говорила, что сюда кто-то идет, — я шмыгнула носом и повела рукой в ее сторону. Смерть накрыла меня с головой. — Она уничтожила *его* следы...

— Это она так сказала, — нахмурился Джулиан.

— ...и велела бежать, если *он* найдет меня.

— В ней была частица души Грешного. Кто знает, может, она лгала, — сказал Джулиан, схватив тряпку. — Выше нос. Если ее кто-то преследовал, мы его поймем.

Жители Лощины могли разобраться с большей частью налетчиков, а отец Джулиана, Уилл, пользовался благосклонностью достаточного количества пэров и мог удержать их от нежелательных для города действий. Уилл был самым богатым жителем

